

Научная статья

УДК 1 (091)

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-65-76

СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

Коськов С. Н., Иваненко М. А.*

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: maksimivanenko02@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.09.2025

После доработки 07.10.2025

Принята к публикации 20.10.2025

Аннотация

Цель. Оценка современной концепции взаимосвязи философии и науки в работах С. А. Лебедева по философии и методологии науки.

Процедура и методы. Полученные в ходе данного исследования результаты основываются на аналитическом, логико-историческом и герменевтическом методах.

Результаты. Были выявлены основные пункты позитивно-диалектической концепции взаимодействия философии и науки, которые проходят через всё творчество отечественного методолога. Проект С. А. Лебедева акцентирует внимание на исследовании норм и идеалов научного познания, ценностей и научных картин мира как посредников между философией и наукой. Социальный и конструктивистский взгляд на субъект и объект научного познания и знания дополняется оригинальными концепциями: консенсуальным характером природы научной истины, системным методологическим плюрализмом, методологической культурой учёного и уровневой методологией. Реальность, определяемая через понятия эталона и объективного мира как мира возможностей, выступает средой для консенсуального диалога философии и науки.

Теоретическая и/или практическая значимость. Идеи С. А. Лебедева, изложенные в его работах, вносят большой вклад в разработку сложного механизма взаимодействия философии и науки, философских идей и естественнонаучных теорий.

Ключевые слова: конвенционализм, консенсуализм, научная картина мира, научное знание, уровневая методология науки, философия науки, эпистемологический конструктивизм

Для цитирования:

Коськов С. Н., Иваненко М. А. Современная концепция взаимоотношения философии и науки // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 65–76. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-65-76>.

Original research article

THE MODERN CONCEPT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PHILOSOPHY AND SCIENCE

S. Koskov, M. Ivanenko*

Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: maksimivanenko02@yandex.ru

Received by the editorial office 16.09.2025

Revised by the author 07.10.2025

Accepted for publication 20.10.2025

Abstract

Aim. To evaluate modern concept of the relationship between philosophy and science in the works of S. A. Lebedev on philosophy and methodology of science.

Methodology. The results obtained during this study are based on analytical, logical-historical and hermeneutic methods.

Results. The study reveals the key points of the positive dialectical concept of the philosophy and science interaction, which can be traced in the works of the Russian methodologist. S. A. Lebedev's project focuses on human consciousness, values, and scientific worldviews as intermediaries between philosophy and science. The social and constructivist view of the subject and object of scientific knowledge and knowledge is complemented by original concepts of consensual scientific truth, systemic methodological pluralism, methodological culture of the scientist and level methodology. Reality, defined through the concepts of a standard and the objective world as a world of possibilities, acts as a medium for a consensual dialogue between philosophy and science.

Research implications. S. A. Lebedev's ideas outlined in his works make a great contribution to the development of a complex mechanism for the interaction of philosophy and science, philosophical ideas, natural science theories and practical research.

Keywords: conventionalism, consensualism, scientific picture of the world, scientific knowledge, level methodology of science, philosophy of science, epistemological constructivism

For citation:

Koskov, M. N. & Ivanenko, M. A. (2025). The Modern Concept of the Relationship Between Philosophy and Science. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 65–76. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-65-76>.

«Мы должны помнить, что то, что мы наблюдаем, – это не сама природа, а природа, которая выступает в том виде, в каком она выявляется благодаря нашему способу постановки вопросов» [1, с. 27].

В. Гейзенберг

Введение

Работы С. А. Лебедева, доктора философских наук, заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова, главного научного сотрудника философского факультета, в основном посвящены отношениям двух значимых сфер бытия и сознания: науки и философии. История этих взаимоотношений доказывает необходимость синергии, а не поглощения, сотрудничества, но не антагонизма. Безусловно, наука во всех своих проявлениях не должна подчиняться абсолютным законам «единственно верной» тотализующей философской системы. Обратный подход – превращение философии в служанку науки, отказ от специфически философской проблематики как «метафизики», приводил к бесплодным попыткам создания «подлинно научной» философии, которая

больше не говорит о ценностях и смыслах. Проведение качественного различия между философией и наукой не должно исключать их взаимосвязи, доказанной ходом исторического процесса. Основным пунктом пересечения двух сфер является человеческое мышление, конституирующее и направляющее как научное, так и философское познание – эта идея проходит через все исследования С. А. Лебедева. Вот почему обращение отечественного методолога к основному вопросу философии во введении к монографии «Философия и наука» [2] является не просто данью традиции: проблема соотношения бытия и сознания особенно актуальна в эпоху бурного развития когнитивных наук и «философии сознания». С. А. Лебедев не просто отбрасывает старые дуальные оппозиции идеализма – материализма, объективиз-

ма – субъективизма и рационализма – эмпиризма: все они являются различными аспектами процесса мышления. Так, в области теории познания на первый план выходит субъективная реальность, и оказывается прав идеализм, в онтологии первенство за бытием как материальной реальностью – здесь правда за материализмом. Если эмпирическая реальность находится в ведении рассудочного знания, то теоретическая реальность как мир идеальных объектов принадлежит разуму как мышлению в себе и для себя. Только в совокупности этих разрозненных сторон мышления обретается плюралистическая и позитивно-диалектическая картина мира, предотвращающая взаимный редукционизм. На наш взгляд, методология С. А. Лебедева ставит предельный по своей напряжённости вопрос об общих когнитивных основаниях науки и философии: как рациональное познание конструирует модели бытия?

Системное изложение С. А. Лебедева представляет современный взгляд на науку как набор конкурирующих подходов и дисциплин вопреки ошибочным упрощённым представлениям о науке (особенно в случае естествознания) как гомогенной, монолитной структуре. Хрестоматийным примером этой множественности в науке выступает появление в XX в. теорий, альтернативных классической ньютоновской механике, таких как частная и общая теория относительности и квантовая механика, «которые противоречили все вместе не только классической механике, но и друг другу» [2, с. 200]. Конкуренция альтернативных подходов в реальной науке созвучна плюралистическому духу живой философии. Отсутствие в научной и философской картине мира неизменного, тотализующего центра не приводит с необходимостью к отсутствию всякого центра. С. А. Лебедев избегает как догматизма, так и ловушек релятивизма, что крайне сложно. В структурах научного знания центр меняется, осуществляет свой переход, а неизменным остаётся только устройство нашего сознания.

При философском обсуждении субъекта науки XXI в. исследователям трудно не впасть в крайности полного растворения субъекта в сети акторов или же фундирования изолированного от сообщества и ценностей «гносеологического Робинзона». С. А. Лебедев идёт срединным путём: он перестраивает понимание субъекта познания на новых основаниях, делая акцент на социальном характере научного знания. Лаборатории, конференции, диссертационные советы и другие экспертные сообщества являются пространствами, где возникает, изучается и оспаривается научное знание. Социальная динамика в виде предвзятости финансирования и рецензирования публикаций пронизывает сообщество исследователей. Материальные и технические условия также в значительной степени влияют на процесс познания, а взаимоотношения между учёными побуждают к выработке подвижных временных соглашений (конвенции, консенсус), представляющих лучшее на данный момент, подкреплённое доказательствами объяснение. Развенчивая миф об учёном как о гении-одиночке, С. А. Лебедев ставит на первый план коллективный субъект, включающий субъект-субъектные взаимодействия между членами научного сообщества наравне с субъект-объектными отношениями. Из этого с необходимостью следует значимость ситуативности в научном познании реальности. Важна точка зрения каждого исследователя, помещённого в сетку субъект-субъектных отношений, потому что она определяет цели познания, методы, которым отдаётся предпочтение и характеристики, которые считаются значимыми или же, наоборот, упускаются из виду. Кроме того, С. А. Лебедевым учитывается фундаментальная роль ценностей в выборе научных приоритетов. Ценностная значимость, будь то методологическая или этическая, неоднородна в зависимости от субъекта познания. Тем самым под поверхностью логических умозаключений, эмпирических данных и теоретических конструктов лежат общественные нормы, социальные предрассудки и мораль-

ные императивы. В совокупности данные аспекты познающего субъекта влияют на его когнитивную систему отчёта, структурирующую научную картину мира.

Конструктивная роль сознания и познания. Конвенционализм и консенсуализм

Познающий субъект не отражает, а конструирует реальность. В своей работе С. А. Лебедев обстоятельно критикует теорию отражения. Эта упрощающая концепция родом из научной парадигмы конца XIX – начала XX вв., рассматривает сознание как пассивный приёмник внешних истин, что противоречит накопленным фактам истории науки, нейрофизиологии, когнитивной лингвистики, свидетельствующих об активной и конструктивной роли познания. Наше восприятие реальности – это не фотографическая копия, а динамическая сборка сенсорных данных, предшествующих знаний, социокультурных рамок, и говоря словами В. Гейзенберга из эпиграфа, наших способов постановки вопросов, т. е. научной методологии. Другим недостатком теории отражения является неспособность объяснить научные революции Т. Куна: если знания просто отражают реальность, почему парадигмы меняются? Факты истории науки и эмпирические данные о работе познания свидетельствуют в пользу конструирования субъективной реальности как специфики работы нашего сознания, которая лежит в основании эффективной исследовательской деятельности. Утверждая, что любое знание есть «результат конструктивной деятельности сознания» [3, с. 21], С. А. Лебедев опирается на богатую философскую традицию конструктивизма, которая восходит ещё к И. Канту, использовавшему понятие «продуктивного воображения» [4, с. 106] в качестве синонима творчества, создания и выдвижения новых идей и новых познавательных метафор. У С. А. Лебедева также обнаруживается влияние идей представителей радикального конструктивизма. Например, создатели концепции

аутопознания Ф. Варела и У. Матурана полагают, что когнитивные и биологические системы не отражают внешние стимулы, а генерируют прогностические модели, сохраняя собственную автономию. В этом же духе С. А. Лебедев описывает сознание как аутопознательную систему, которая относительно замкнута по отношению к внешнему миру, самодостаточна в себе и для себя и способна развиваться на собственной основе [5, с. 114]. Отсюда следует положение о том, что научная картина мира конструируется познающим субъектом, от которого зависит, каким определённым содержанием будут наполнены эти конструкты.

Одним из главных конструктивистских требований к научному знанию независимо от его формы и содержания» [2, с. 92] является общая научная рациональность. Она составляет эпистемологический фундамент научного предприятия, определяемый семью универсальными свойствами, выходящими за рамки дисциплинарных границ: объектной предметностью, однозначной определённой, доказательностью, проверяемостью, методологической рефлексивностью, открытостью к критике и возможностью улучшения. Эти свойства в совокупности отделяют науку от обыденного, мифологического, религиозного и художественного познания [6, с. 152–153]. Выражение данных принципов развивалось в шести диахронических, культурно-исторических типах: древневосточном, античном, средневековом, классическом, неклассическом и постнеклассическом. Несмотря на существенные различия, например, во внимании Древнего Востока к практическим аспектам и средневековом акценте на откровении или детерминизме классической рациональности в сравнении с фундаментальной относительностью постнеклассической науки, все эти типы имеют общую черту демаркации науки от других видов познания и знания. Синхронная научная рациональность переводит внимание на дисциплинарные связи. В разных отраслях научного знания синхронная рациональность адаптирует общие критерии к предметно-специ-

ифическим онтологиям. Эта пластичность демонстрирует, что рациональность не монолитна, и доказательства математической теоремы принципиально отличаются от доказательств, подтверждающих климатическую модель. Диахронная и синхронная научная рациональность вместе представляют многообразный каркас, а не жёсткий шаблон. Несмотря на то, что свойства общей научной рациональности стабильны и универсальны, их реализация исторически и дисциплинарно обусловлена. Эта пластичность позволяет науке ориентироваться в многомерной реальности, не отказываясь от своей эпистемологической автономности. Будь то эксперименты И. Ньютона или аналитика больших данных, наука сохраняет свою идентичность. Нерациональное измерение науки [7, с. 128], включающее интуицию и неявное знание, отнюдь не подрывает рациональности, а демонстрирует её адаптивную способность, которая определяет уникальный познавательный авторитет науки.

Конструктивистская перспектива меняет эпистемологические ориентиры от поиска абсолютных оснований к восприятию научного познания как динамической, порождённой человеческим разумом системы когнитивных операций для предсказания, объяснения и согласования научного знания. В этом плане нам кажется актуальным широкое рассмотрение конвенционализма и консенсуализма. Конвенция понимается С. А. Лебедевым как когнитивная процедура и научный метод (наравне с индукцией, дедукцией, редукцией), применяемый субъектом познания в силу необходимости выбора чего-либо или с целью устранения неопределённости. Основное преимущество конвенционализма заключается в разрешении тупиков, присущих строгому рационализму и эмпиризму: он освобождает науку от невозможного требования прямого соответствия непосредственной объективной реальности или неизменным первопринципам, сосредотачиваясь вместо этого на практичности и внутренней согласованности. Научные конвенции выдвигаются лидерами той или

иной школы или области познания. Они функционируют как незаменимый общий язык, обеспечивающий продуктивный диалог, критику и накопление знаний. Когда учёные публикуют эмпирические результаты, предлагают гипотезы или критикуют методы, они полагаются на взаимные конвенции относительно терминологии, процедур измерения и стандартов доказательств, а также на неявное знание. Установление и уточнение конвенций происходит посредством научной коммуникации как непрерывного процесса дебатов, принятия решений, их изменения или отклонения внутри сообщества исследователей. Конвенционализм выходит за рамки ограничений научного фундаментализма, принимая прагматическую и дискурсивную природу конструирования знаний. От выбора аксиом и стандартов измерений до теоретических границ и самого языка, обеспечивающего коммуникацию, конвенции играют роль строительных лесов здания научной рациональности.

Однако конвенционализм, сосредоточенный на индивидуальных или локально принятых положениях, сталкивается с рядом трудностей. Наиболее значимой является проблема соотношения конвенций и объективности знания. Если основные элементы науки (её язык и исходные аксиомы) являются только вопросами конвенционального выбора отдельных учёных или групп, то научное знание не может претендовать на объективность и рискует прийти к ряду несоизмеримых структур. Выход из этого тупика С. А. Лебедев находит через принятие развитой им доктрины консенсуализма. Консенсус определяется как «результат когнитивных переговоров внутри научного сообщества как главного субъекта научного познания с целью выработки общезначимого решения по любым вопросам научного познания» [5, с. 457]. Если конвенции остаются индивидуальными решениями или соглашениями небольших групп, консенсус по своей сути является intersubjective: не изолированный субъект, а научное дисциплинарное сообщество становится агентом,

преобразующим индивидуальные положения в коллективно сформированные соглашения. Подобная взаимозависимость гарантирует, что ни одна точка зрения не монополизировать истины, а многочисленные экспертные позиции сходятся, чтобы вместе снимать предрассудки, заполнять лакуны и находить оптимальное решение, подкреплённое доказательствами и всегда открытое для пересмотра. Консенсуализм переопределяет природу научной картины мира, отказываясь от концепции познания как прямого отражения недоступной объективной реальности. Вместо этого научная реальность интерпретируется сообществом учёных как эталонная реальность. Она не произвольна, поскольку ограничена рациональными критериями логической связности, объяснительной силы, предсказательного успеха и фальсифицируемости, а также опосредована когнитивной волей научного сообщества. Консенсуализм устанавливает общезначимость как основной критерий объективности научного знания: он фокусируется на положениях, которые являются интерсубъективно верными для всех компетентных участников научного сообщества. Делая акцент на дисциплинарном научном сообществе, конструируя реальность через рационально ограниченные эталонные модели и формируя объективность как интерсубъективную общезначимость, консенсуализм преодолевает недостатки конвенционализма.

**Системный методологический
плюрализм и методологическая
культура учёного. Уровневая
методология науки**

Консенсуализм и отказ от фундаменталистских эпистемологий, таких как теория отражения, задают тон для радикального переосмысления научной методологии. С. А. Лебедев выдвигает концепцию системного методологического плюрализма, избегающего эпистемологического анархизма, противоположную фундаментализму крайности. Не всякий плюрализм имеет равную методологическую ценность, поэто-

му разделяются аддитивный и системный плюрализм. Слабость позиции аддитивного плюрализма как простого сосуществования методов заключается в рассмотрении методологии в виде набора изолированных инструментов, при полном игнорировании их взаимозависимости. Системный плюрализм обеспечивает не только внутреннюю связность методов, динамически взаимодействующих, но и дополнительность между противоположными методами. Этот взгляд С. А. Лебедева имеет глубокую параллель с принципом дополнительности Н. Бора, который изначально был сформулирован для примирения квантовых парадоксов, однако впоследствии датский физик предположил его расширение до общенаучного положения [8]. В применении к методологии этот принцип объясняет, что антагонистические методы коллективно разрешают различные стороны сложных проблем. И эту черту системного плюрализма косвенно доказывает история науки, демонстрируя крах всех монистических методологий, например провал логического позитивизма. Кроме того, история эпистемологии наглядно показала, что научная методология не априорна (против рационализма) и не зависит исключительно от содержания знания в объектах, известных науке (против эмпиризма).

Системный плюрализм как своего рода эпистемологическая добродетель предоставляет учёному и философу когнитивную гибкость при взаимных переходах между методами в зависимости от поставленной проблемы. Другое осевое понятие, которое в этом контексте разрабатывает С. А. Лебедев, – методологическая культура [9; 10], включающая понимание того, как создаются, проверяются и применяются знания, а также навыки работы с инструментами познания как набором эпистемологических практик учёного. Именно «от уровня развития методологии научного познания, от методологической культуры учёных всегда в значительной степени зависело не только содержание и прогресс науки, но и прогресс мировоззрения и культуры общества» [2, с. 236], – пишет С. А. Лебедев. В рамках дисципли-

нированного системного плюрализма как живой практики наука, свободная от диктата универсального метода, обеспечивает консенсуальное построение научной реальности, в которой учёные владеют такими методологическими культурами.

Уникальной авторской разработкой является уровневая методология как интегративная структура, демонстрирующая роль системного плюрализма, а также консенсуального и конструктивного познания на каждом этапе научного исследования [11]. С. А. Лебедев предлагает более тонкую альтернативу традиционной дихотомии эмпирического и теоретического познания, выделяя 4 кластера методов чувственного, эмпирического, теоретического и метатеоретического уровней. Эта система вместо жёсткой иерархии предполагает текущее взаимодействие различных кластеров. Мы постигаем объективный мир с разных сторон, включая четыре типа объектов: «вещи сами по себе» (материальные объекты), чувственные объекты (элементы чувственной научной реальности), абстрактные объекты (элементы эмпирической научной реальности), идеальные объекты (элементы теоретической научной реальности)» [2, с. 125].

Чувственный уровень научного знания включает такие методы, как научное наблюдение, измерение и эксперимент. Взаимодействие с чувственными объектами определяется познавательными установками учёных, интерпретативными границами и настройкой приборов. Все эти моменты контекстуализируют чувственную реальность, которая в науке раскрывается не через пассивное смотрение, а посредством активного видения как фундаментальной идеализации. Норма восприятия, основанная на нейробиологических ограничениях, свойственных всем людям, закрепляет критерий биологически адаптивной объективности чувственного знания как общезначимости.

Эмпирический уровень предполагает такое взаимодействие учёного с объектом знания, при котором отбор и абстрагирование выделяют определённые аспекты

явления, базируясь на интересах научного сообщества и технических возможностях. Данный кластер предполагает богатую методологию, включающую абстрагирование, классификацию, обобщение, индукцию и ряд других. С. А. Лебедев организует четырёхуровневую структуру эмпирического конструирования (а не логического обобщения), включающую протокольные предложения, научные факты, эмпирические законы и феноменологические теории. Полученный в результате эмпирический объект является согласованной и стабилизированной идеализацией, разработанной для надёжной и сопоставимой репрезентации определённых аспектов эталонной реальности.

К теоретическому уровню относятся: мысленный эксперимент, метод рациональной реконструкции, метод восхождения от абстрактного к конкретному, метод симметрии, аксиоматический метод, метод математической гипотезы и метод принципов. Согласно С. А. Лебедеву, научные теории действуют посредством концептуальной идеализации, представляя эталонную реальность через идеальные объекты как абстракции: плоскость без трения, абсолютно чёрное тело, нульмерную точку или общественно-историческую формацию. Теоретические объекты не выводятся из эмпирических объектов, а конструктивно добавляются в рамках теоретической структуры, будучи имманентными элементами мышления [11, с. 24]. Это усиливает взгляд на уровневую методологию как на недедуктивную систему, каждый этап которой внедряет онтологическую новизну. Ненаблюдаемость идеальных объектов подчёркивает их статус когнитивных инструментов. Целью теоретической идеализации служит выявление базовых закономерностей или аксиом. Принятие теории означает консенсус научного сообщества по поводу её конкретной совокупности идеализаций как наиболее рациональной, обоснованной и плодотворной систематизации относительно текущего приближения эталонной реальности, достигнутого на эмпирическом уровне.

Метатеоретический, высший, уровень научного знания устанавливает всеобъемлющие рамки, легитимирующие исследовательскую практику. Он включает общенаучную картину мира, общенаучные методологические, логические и аксиологические принципы, а также философские основания науки. Одним из фундаментальных постулатов уровневой методологии является положение о том, что значимость ценности, придаваемой конкретным проблемам, теоретическим достоинствам, методологическим подходам или даже интерпретации требований эталона, может варьироваться среди отдельных учёных или исследовательских групп. Именно метатеоретический уровень предоставляет площадку для согласования этих ценностей в научном сообществе. Общезначимость возникает не из навязанного единообразия, а из коллективной приверженности рациональному обсуждению и соблюдению основных методологических норм проверки, логической строгости и открытости для критики. Только так формируется рабочий консенсус относительно общенаучных принципов.

Научная картина мира понимается С. А. Лебедевым как интегративная, консенсуальная структура, синтезирующая основные концепции для приближения к эталонной реальности [6, с. 131–133]. Общенаучные картины мира возникают через динамический синтез научных знаний и априорных философских принципов, предоставляя «линзы», через которые разрозненные открытия учёных объединяются в единое видение. Все общенаучные картины мира по своей сути историчны и относительны. Они выражают историческую траекторию науки с её революциями, аномалиями и неразрешёнными противоречиями. Эта относительность не приводит к релятивизму, поскольку общенаучная картина мира остаётся привязанной к реальности как эталону благодаря своим способностям разрешать парадоксы и объединять знания несмотря на то, что её форма постоянно изменяется социально-когнитивной средой науки. Частнонаучные

картины мира объединяют кластеры смежных наук, налагая общие онтологические характеристики и действуя как дисциплинарные интеграторы. Эти региональные онтологии санкционируют то, что считается законными объектами в их области и сопротивляются редукционизму [5, с. 132]. Высшей функцией общенаучной картины мира является категориальная гармонизация частных картин. Она примиряет эмпирическое с теоретическим, санкционируя последовательную онтологию научных объектов. Это происходит посредством генерализации как связыванием частных мировоззрений под влиянием научных переговоров для разрешения межетеоретического напряжения. При конструировании общенаучной картины мира особенно важно, чтобы все типы объектов (чувственные, абстрактные, идеальные) занимали стабильные роли в её архитектуре. Отвергая абстрактный монизм (примером которого является сведение картины мира к физике) и радикальный плюрализм (как отсутствие общей реальности), общенаучная картина мира должна выражать реальность, мыслимую во всей своей сложности. Таким образом, научные картины мира занимают лиминальное пространство в стратификации метатеоретического уровня. Синтезируя конструкции низших уровней, они подводят к философским вершинам.

Философские основания науки обеспечивают согласованное мировоззрение, формируя концептуальные границы научного познания. Философия не «обосновывает» науку в фундаменталистском смысле и не просто суммирует научные открытия. Наука генерирует новое содержание посредством эмпирического взаимодействия и теоретических новаций, которые зачастую входят в противоречие с прежними философскими догмами. Это отражает разрыв между теоретическим и эмпирическим уровнями: подобно тому, как идеальные объекты несводимы к эмпирическим, научные открытия, например неевклидова геометрия Н. И. Лобачевского, разрушают фреймы существующих философских систем. Авторитет науки проистекает из её

конструктивного взаимодействия с реальностью, а не из подчинения философским первопринципам. В то же время философия предохраняет науку от вырождения в технократический инструмент, оторванный от человеческого смысла, поскольку наука «в одиночку» не может ответить на экзистенциальные и этические вопросы. Опираясь на трансцендентные концепции, философия также выходит за рамки научных частностей. В то время как наука изучает взаимодействие элементарных частиц, философия задаётся вопросом, что значит «причинность». Такие вопросы выводятся не из индуктивного обобщения, а из критического размышления. Как продемонстрировал ещё И. Кант, философские горизонты обуславливают само научное исследование. Разрыв между философией и наукой носит логический и содержательный характер, потому что они относятся к разным моментам сознания: если философия имеет дело с возможными условиями, то наука – с реализованными возможностями. Но вместе они занимаются исследованием одной реальности, в которой мы существуем как носители сознания. Несмотря на постулирование когнитивной автономности двух сфер, С. А. Лебедев отмечает принципиальную необходимость схем интерпретации, функционирующих как взаимовыгодные концептуальные мосты и конструктивные посредники. Подобные интерпретативные схемы обеспечивают перевод философских принципов в научные термины, а научных прорывов – в последовательные философские идеи. Например, категория «причинности» переходит от философского концепта к научному принципу через операциональные определения в естественных науках. Это опосредование не является ни дедукцией, ни индукцией. Медиатором выступает конструктивная деятельность философов и учёных, разрабатывающих такие структуры, как эволюционная эпистемология или квантовая логика. Поэтому «зазор» между наукой и философией скорее продуктивен, чем проблематичен, и философские основания науки должны использовать

его для продвижения методологического прогресса. Философские рамки ориентируют научную интерпретацию, в то время как открытия науки форсируют философское развитие. Две сферы ратифицированы интерпретативными схемами, которые признают их суверенность. Это закрепляет роль метатеоретического уровня как регулятора взаимодействия учёных с миром.

Как подчёркивает С. А. Лебедев, более высокие методологические уровни являются не просто логическими обобщениями более низких уровней, а конструктивными дополнениями. Связующими звеньями являются четыре типа объектов, интерпретативные теории и модели. Отсутствие логической дедукции позволяет рассматривать каждый уровень как творческий скачок. Нижние уровни дедуктивно не выводятся из верхних, а верхние уровни не являются индуктивными обобщениями нижних уровней. Всепроницающая роль идеализации прослеживается на каждом уровне, работая по-разному в каждом кластере, ориентируясь на приближение к эталонной реальности посредством идеализированных конструктов.

Проблема научной истины

Вопрос о том, как наука может быть одновременно социально сконструирована и ограничена реальностью, разрешается в консенсуальной концепции научной истины. Анализ различных концепций истины подводит С. А. Лебедеву к отказу от вневременной и универсальной концепции истины. В истории философии и науки было множество попыток дать объективную интерпретацию содержания научного знания, что приводило к обособлению и догматизму. В то же время исследователю необходимо избежать релятивизма, сохранив строгость науки, признавая её укоренённость в интересубъективности как общезначимости. Такие неотъемлемые характеристики процесса познания, как социальность, историчность и общезначимость, достижимы только через методологический консенсус. В этом плане

ценной находкой С. А. Лебедева является введение понятия когнитивной системы отчёта, которая фиксирует цели, ценности и теоретические обязательства исследователя, а также внешние (инструментальные ограничения) и внутренние (предпосылочное знание) условия познания.

Специфические критерии истинности прописаны для каждого из уровней научного знания. Для первого уровня С. А. Лебедев проводит чёткую демаркацию между природными объектами, в отношении которых действует норма восприятия как биологически адаптивная универсальность, и формальным знанием, требующим глобальной чувственной интуиции как интуитивного понимания математических и символических отношений. Это разделение интересно тем, что предполагает включение в область чувственного уровня рационального знания и, как следствие, моделирование чувственной наглядности [11, с. 165–173].

Для эмпирического уровня критерии истинности возрастают по своей сложности. Протокольные предложения опираются на соответствие утверждениям и наблюдаемым данным. Факты предполагают логическое обобщение протоколов, а научные законы требуют согласованности с фактами, последовательности, объяснительной силы и выводимости в качестве теоретических следствий. Феноменологические (эмпирические) теории включают критерии логической последовательности как отсутствия внутренних противоречий, объяснительной и предсказательной силы по отношению к фактам и законам, конструктивной и/или дедуктивной последовательности, непротиворечивости и выводимости из более глубоких (трансцендентальных) теорий [3, с. 628–633]. Данная типология выражает системное мышление С. А. Лебедева, его непрестанное выделение роли экспертного консенсуса как эпистемологического авторитета для оценки соответствия критериям консенсуальной истины.

При определении критериев истинности для теоретического уровня

С. А. Лебедев излагает критерии истинности для аксиом научных теорий (интуитивная очевидность, плодотворность и эмпирическая эффективность) и выводимых из них логических следствий (аналитический критерий). Затем С. А. Лебедев разделяет критерии истинности для частных и фундаментальных теорий, синтезируя требования внутренней строгости (последовательность, доказательность) и внешней интеграции (совместимости с мировоззренческими, философскими основами). Это демонстрирует нисходящее влияние метатеоретических элементов (научная картина мира, философские основы науки), активно регулирующих теоретическую истину.

Метатеоретический уровень научного знания предполагает четыре типа критериев истинности. Для парадигматических, наиболее общих научных теорий требуются логическая связность, простота фундаментальных понятий и принципов, контроль как прагматический критерий (включающий институциональные механизмы исправления ошибок через экспертную оценку, воспроизводимость и др.), объяснительная и предсказательная сила, а также теоретическая плодотворность. Данная типология кажется связанной с правилами парадигм Т. Куна [12], но расширяет их с большей системной строгостью. Частнонаучная картина мира включает объяснительную плодотворность, внутреннюю непротиворечивость и мировоззренческую значимость. Плодотворность функциональна в трёх планах: объяснительном, конструктивном и синтетическом. Внутренняя непротиворечивость предполагает дисциплинарный консенсус и вместе с тем согласованность с общенаучной картиной мира. Наконец, мировоззренческая значимость также является консенсуальным критерием, связанным с социально-культурным положением научного сообщества в конкретный период времени. Таким образом, критерии частнонаучной картины мира выделяют функциональную полезность в рамках определённой дисциплины, а

также соответствие широкому консенсусу. Общенаучная картина мира требует большего: онтологической универсальности, согласованности между науками, эвристической силы, философской обоснованности и общекультурной значимости. Последний критерий так же, как и мировоззренческая значимость для частнонаучных картин мира, явно связан с ролью сообщества учёных. Это в очередной раз демонстрирует консенсуальность как сквозную тему, проходящую через всю уровневую методологию, включая акцент на коллективном субъекте как арбитре истины, который теперь масштабируется на метатеоретическом уровне.

Истинность идеалов и норм научного познания вновь возвращает нас к концепции реальности как эталона – идеалы оцениваются по тому, насколько хорошо они помогают науке приближаться к этому эталону, несмотря на присущие ей ограничения. Методологическая культура учёного предусматривает корректируемость своих идеалов: препятствия между идеалами и практикой стимулируют методологическое совершенствование.

Условия, определяющие разумные границы научного плюрализма, кроме того, включают: коммуникационные и практические ограничения, логический анализ научного знания с целью выявления его непротиворечивости (внутренняя согласованность), эмпирическую обоснованность (адекватность данных, прогностический успех), теоретическую (объяснительная согласованность) и методологическую обоснованность (соблюдение ценностей и норм). Эти ограничения позиционируют научную методологию С. А. Лебедева как основанную на коллективной рациональности, динамичную и социально гибкую систему, в которой научная истина выражает согласованное подтверждение в рамках общей самокорректирующейся

когнитивной структуры. Консенсуальная природа научной истины проливает свет на роль философии как резервуара логически возможных вариантов решений и подсказок для сообщества исследователей.

Заключение

Реальность определяется С. А. Лебедевым в свете антропного принципа как логически непротиворечивый мир возможностей. В истории философии есть немало образцов постулирования единственного истинного варианта реальности. Например, Г. В. Ф. Гегель категории своей системы онтологизировал, представив реальность как единственную возможность, раскрытую в его «Науке логики». Но сегодня более перспективным кажется путь Платона, представившего объективный мир как мир возможностей, лежащий вне пространства и времени. В этом же духе С. А. Лебедев утверждает относительность уровней познания и всякого рода деления, не порождая очередной монистической системы, раз и навсегда законченной и выносящей всеобщее как Абсолют. С другой стороны, он остаётся далёким и от релятивизма, который снимает все различия и приводит в конце концов к самоидентификации абсолютизма. В проанализированных работах нет ни претензий на вневременную и абсолютную истину, ни релятивизма, принципиально отвергающего любую рациональность, но имеются все перспективы стать ориентиром для нового поколения творчески мыслящих учёных и философов, поскольку задаётся фундамент в виде уровневой методологии и консенсуальной концепции истины. Многолетние интеллектуальные поиски С. А. Лебедева в области философии и методологии науки соответствуют его же определению философии как рационального поиска предельных оснований бытия [2, с. 309].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989. 400 с.
2. Лебедев С. А. Философия и наука. М.: Академический проект, 2025. 316 с.
3. Лебедев С. А. Философия. Методология. Наука. М.: Проспект, 2023. 720 с.

4. Кант И. Критика чистого разума. М.: Академический проект, 2020. 567 с.
5. Лебедев С. А. Философия и методология науки. Актуальные проблемы. М.: Московский университет, 2024. 575 с.
6. Лебедев С. А. Философия науки: позитивно-диалектическая концепция. М.: Проспект, 2021. 448 с.
7. Косков С. Н. Гуманизация знания и познания // Булгаковские чтения. 2008. № 2. С. 123–130.
8. Бор Н. Квантовая физика и философия // Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1970. С. 526–533.
9. Лебедев С. А. Методологическая культура учёного. Т. I. М.: Проспект, 2021. 188 с.
10. Лебедев С. А. Методологическая культура учёного. Т. II. М.: Проспект, 2021. 213 с.
11. Лебедев С. А. Уровневая методология науки. М.: Проспект, 2020. 208 с.
12. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. 317 с.

REFERENCES

1. Heisenberg, W. (1989). *Physics and Philosophy. Part and the Whole*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
2. Lebedev, S. A. (2025). *Philosophy and Science*. Moscow: Academicheskii Proekt publ. (in Russ.).
3. Lebedev, S. A. (2023). *Philosophy. Methodology. Science*. Moscow: Prospect publ. (in Russ.).
4. Kant, I. (2020). *Critique of Pure Reason*. Moscow: Academicheskii Proekt publ. (in Russ.).
5. Lebedev, S. A. (2024). *Philosophy and Methodology of Science. Actual Problems*. Moscow: Moscow University publ. (in Russ.).
6. Lebedev, S. A. *Philosophy of Science: A Positive Dialectical Concept*. Moscow: Prospect publ. (in Russ.).
7. Koskov, S. N. (2008). Humanization of Knowledge and Cognition. In: *Bulgakov Readings*, 2, 123–130 (in Russ.).
8. Bohr, N. (2021). Quantum Physics and Philosophy. In: Bohr, N. *Selected Scientific Works. Vol. 2*. Moscow: Nauka publ., pp. 526–533 (in Russ.).
9. Lebedev, S. A. (2021). *Methodological Culture of a Scientist. Vol. I*. Moscow: Prospect publ. (in Russ.).
10. Lebedev, S. A. (2021). *Methodological Culture of a Scientist. Vol. II*. Moscow: Prospect publ. (in Russ.).
11. Lebedev, S. A. (2020). *Level Methodology of Science*. Moscow: Prospect publ. (in Russ.).
12. Kuhn, T. (2009). *The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow: AST publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Косков Сергей Николаевич (г. Орёл) – доктор философских наук, профессор кафедры логики, философии и методологии науки Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева;
e-mail: koskov6819@gmail.com

Иваненко Максим Александрович (г. Орёл) – магистрант кафедры логики, философии и методологии науки Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева;
e-mail: maksimivanenko02@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey N. Koskov (Orel) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science, I. S. Turgenev Orel State University;
e-mail: koskov6819@gmail.com

Maxim A. Ivanenko (Orel) – Master's Degree Student, Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science, I. S. Turgenev Orel State University;
e-mail: maksimivanenko02@yandex.ru